

Чумаров С.А.

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ВЫНУЖДЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРАВООХРАНЯЕМЫМ ИНТЕРЕСАМ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В соответствии с действующим оперативно-розыскным законодательством основным содержательным элементом оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) являются оперативно-розыскные мероприятия (далее – ОРМ). ОРМ предлагается разграничивать на гласные, негласные и смешанные; глубокие и поверхностные; ограничивающие конституционные права граждан и не несущие таких ограничений; оперативно-технические и не имеющие преобладающего или исключительно технического содержания и т.д.¹ Между тем условно арсенал ОРМ можно также представить в виде совокупности инструментов, которые имеют сущностное сходство с уголовно-процессуальными средствами доказывания, и инструментов, которые в силу их специфики не имеют аналогов в других формах правоохранительной деятельности. Очевидно, что большинство ОРМ и уголовно-процессуальных средств доказывания объединяет то обстоятельство, что в их основе находятся универсальные закономерности познания, общим объектом которого является криминальный мир и происходящие в нем латентные процессы. Отсюда и яркое семантическое сходство наименований отдельных ОРМ и средств уголовно-процессуального доказывания: опрос – допрос, сбор образцов для сравнительного исследования – получение образцов для сравнительного исследования, прослушивание телефонных переговоров – контроль и запись телефонных переговоров и т.д. При этом не вызывает сомнений, что спектр возможностей оперативных подразделений в использовании таких инструментов значительно превышает пределы, ограничивающие действия органов предварительного следствия. Например, УПК РФ устанавливает требования об обязательном отражении хода и

результатов допроса в протоколе (ст. 190), содержание которого отвечает особым требованиям (ст. 166, 167). В случае если проводились фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, кино съемка, протокол допроса дополняется сведениями о технических средствах, заявлениями допрашиваемого лица и т.п. (ч. 4 ст. 190). В то же время опрос может проводиться как в гласной, так и в негласной форме, без уведомления лица о факте использования технических средств, применяемых для фиксации получаемой информации.

Среди инструментов ОРД ярко выделяются несколько ОРМ, познавательная и деятельная сторона которых характеризуется не внешним познанием процессов криминального мира, а формируется исходя из эффективности внутреннего противодействия преступности. В частности, С.С. Овчинский отмечает, что «процессуальная форма, регламентирующая ряд методических и тактических аспектов следственной и судебной деятельности, создает гарантии познания истины, однако ... опыт, практика наглядно подтверждают состояние противоборства, факты маскировки, лжесвидетельства, сокрытия известных обстоятельств недобросовестными свидетелями. Необходимо негласное проникновение в эту сферу специфических отношений, выведывание, констатация осведомленности отдельных лиц и ее пределов, обнаружение тайников и других мест укрытия предметов, которые должны стать вещественными доказательствами»². Осознавая, что для решения перечисленных и иных частных задач ОРД требуются специфические методы и средства, законодатель вооружил оперативные подразделения такими ОРМ, как проверочная закупка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент, контролируемая поставка. При этом следует

подвергнуть критике мнение авторов, считающих, что отличительной особенностью этих ОРМ является их проведение на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД.³ Представляется, что существенное отличие соответствующих инструментов ОРД следует связать с их особой правовой природой, вследствие которой возможно вынужденное причинение вреда различным правоохраняемым интересам, посягательство на которые органы правопорядка обязаны пресекать. В частности, при проведении проверочной закупки наркотических средств действия сотрудников оперативных подразделений имеют внешнее сходство со сделкой, совершаемой с целью, противной основам правопорядка. При этом субъекты ОРМ становятся фактическими обладателями таких изъятых из гражданского оборота объектов, как наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры, а также инструменты или оборудование, за незаконное приобретение которых УК РФ устанавливает уголовную ответственность (ст. 228).⁴

Между тем в оперативно-розыском законодательстве институт правомерного причинения вреда при осуществлении ОРМ не раскрывается, поскольку законодатель не устанавливает границ, в рамках которых причиненный вред считается правомерным. При этом А.Е. Чечётин справедливо полагает, что при проведении проверочной закупки, оперативного эксперимента, оперативного внедрения и контролируемой поставки используются уголовно-правовые институты крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) и обоснованного риска (ст. 41 УК РФ).⁵ Очевидно, что наиболее актуальной обозначенная проблема является применительно к ОРМ оперативное внедрение.

Следует отметить, что проблема причинения вреда правоохраняемым интересам при осуществлении ОРМ оперативное внедрение ранее исследовалась различными учеными. Одна группа ученых считает, что лицо, внедренное в преступную группу, должно имитировать преступную деятельность, а не совершать преступления. В то же время другая

группа авторов придерживается точки зрения, что внедренному лицу допускается совершать малозначительные преступления, а также принимать участие в планировании и подготовке других, более тяжких. При этом не раскрывается понятие «малозначительные преступления», а соответственно, не указывается граница, при пересечении которой преступления уже не являются «малозначительными».⁶ Н.С. Железняк, изучая необходимость совершения действий, содержащих признаки преступлений внедренным лицом, считает, что агентурное проникновение в преступную среду и закрепление в ней является весьма сложным процессом как с позиции его организации, так и с позиции осуществления. Данное мероприятие требует создания доверительной атмосферы в отношениях внедренного лица с членами преступной группы, которые представляют оперативный интерес. Действительно, для того чтобы завоевать определенный авторитет в преступной группе, а также заслужить доверие ее членов, необходимо показать, что являешься «своим». Для этого необходимо заниматься той же самой деятельностью, что и участники группы.⁷

В ряде зарубежных стран данной проблемы не существует, т.к. в законодательстве прямо устанавливается допустимость причинения правомерного вреда при осуществлении служебных обязанностей, направленных на пресечение более тяжких преступлений. Так, в ст. 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, предусмотрено пребывание среди участников преступления по специальному заданию. Рассматривая обстоятельства, исключающие преступность деяния, через призму регулирования оперативно-розыскных отношений, можно выделить следующие условия правомерного причинения вреда внедренным лицом:

лицо выполняло специальное задание;
преступление совершалось в соучастии;

совершенное преступление не являлось особо тяжким или тяжким и не связано с посягательством на жизнь или здоровье человека.

Полагаем, что существует следующий путь решения сложившейся проблемы. Во-первых, в ст. 18 ФЗ «Об ОРД» сформулировать норму, регламентирующую освобождение от уголовной ответственности лица, причинившего правомерный вред правоохраняемым интересам, в случае, когда оно осуществляет ОРМ оперативное внедрение. Во-вторых, дополнить главу 8 УК РФ статьей, которая предусматривает новое обстоятельство, исключающее преступность деяния, а именно причинение вреда правоохраняемым интересам сотрудником оперативно-подразделения или лицом, оказывающим содействие правоохранительным органам, внедренными в преступную группу в рамках проведения ОРМ оперативное внедрение, с целью скрыть свою принадлежность к правоохранительным органам, а также получить доверие участников данной преступной группы. При этом допустить совершение преступлений небольшой и средней тяжести, не посягающих на жизнь и здоровье человека.

¹ См.: Вагин О.А., Исиченко А.П., Шабанов Г.Х. Оперативно-розыскные мероприятия и ис-

пользование их результатов : учебно-практическое пособие М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. С. 11-14.

² Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация : монография / под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. 2-е изд., доп. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 61.

³ См., напр.: Дубоносов Е.С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2012. С. 246.

⁴ Подр.: Чумаров С.А. О понятии проверочной закупки наркотических средств // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 2 (11). С. 108-113; Шашин Д.Г. Проверочная закупка наркотиков: документирование и использование результатов : практическое пособие. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008.

⁵ Основы оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под ред. А.Е. Чечетина. 3-е изд., доп. и перераб. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2007. С. 19.

⁶ Воронин М.Ю. Об обстоятельствах, исключающих преступность деяния в процессе осуществления ОРД // Вестник ВИПК МВД России. 2015 № 1. С. 49.

⁷ Железняк Н.С. О правовом обеспечении защиты конфидентов от неправомерного привлечения к уголовной ответственности // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 2004. Вып. 7. С. 213-230.

Шашин Д.Г.,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский юридический институт
МВД России (г. Красноярск)

НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ О ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ни у кого не вызывает сомнений необходимость однозначного толкования в юридической науке многих достаточно распространенных понятий и терминов. Речь в данном случае пойдет о содержании и справедливости применения словосочетаний «противодействие такому-то виду преступления», а также «противодействие расследованию», «противодействие уголовному преследованию», «противодействие оперативно-розыскной деятельности». Искушенный читатель наверняка обратил внимание на последнее

понятие. Указанные термины далеко не равнозначны, поэтому с целью формирования единообразного понимания необходимо остановиться на понимании самого термина «противодействие».

В последнее время в научной, учебной литературе и в нормативных правовых актах указанный термин стал употребляться довольно часто в понимании его как деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.¹ Представляется недопустимым смешение понятий как с теоретической, так и с